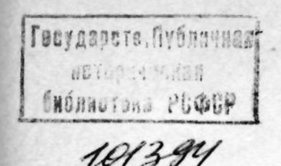

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

3

1988

Журнал выходит 4 раза в год

Издается с 1980 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

«ПАВЛОВСКАЯ СЕССИЯ» 1950 Г. И СУДЬБЫ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ

29 октября 1987 г. в Институте истории естествознания и техники АН СССР состоялось заседание «круглого стола», организованного нашим журналом. Заседание было посвящено одному из трагических эпизодов в научной жизни страны, оказавшему пагубное влияние на развитие физиологии и психологии.

Ниже публикуются выступления как «очных», так и «заочных» участников заседания.

М. Г. Ярошевский (доктор психологических наук, Институт истории естествознания и техники АН СССР). «Сороковые, роковые»,— сказал известный поэт, участник Великой Отечественной войны, о первой половине «сороковых». Но для идеологической атмосферы советского общества роковой оказалась и вторая половина этого десятилетия. Сколько надежд возлагалось на обновление духовной жизни исстрадавшегося народа, когда военный разгром фашизма воспринимался и как крушение его людоедской идеологии!

В Великой победе, изменившей облик мира, виделись зарницы новой эры. Но у Сталина была своя концепция управления идеологией в послевоенные годы. Ее смысл определяли две установки: а) противопоставление русской культуры западной (которая начисто считалась буржуазной) с тем, чтобы в условиях, возникших после общей с союзными странами военной победы, пресечь доступ советских людей к культурным ценностям этих стран, которые мнились Сталину опасными для насаждавшегося им образа мышления; б) дальнейшее самовозвеличивание и самоутверждение с помощью вненаучных средств культа собственной личности как высшего судии в вопросах не только политики и экономики, но и любых проблем культуры, включая науку, с тем, чтобы воцарилось единообразное, обязательное для всех объяснение любых явлений общества и природы, находящееся под контролем его партийно-бюрократического аппарата. Методично реализуя эту концепцию, Сталин предпринимал из года в год одну идеологическую акцию за другой. Вслед за известным постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.) последовала так называемая философская дискуссия (1947 г.). Поводом для нее послужила критика Сталиным книги акад. Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Ознакомившись (кстати, по настоятельной просьбе самого автора) с книгой, Сталин вызвал несколько философов (академиков М. Митина, П. Юдина, П. Поспелова, самого Александрова) и высказал ряд упреков, среди которых наряду с замечаниями, касавшимися отдельных периодов и персонажей истории философии, фигурировало ставшее вскоре грозным обвинение в объективизме, что означало отступление от принципа партийности. Затем в Институте философии состоялось обсуждение книги. Дискуссия была открытой, и мне довелось на ней присутствовать. Книгу критиковали академики, с которыми беседовал Сталин, и все его замечания были ими воспроизведены слово в слово. Общий тон критики был довольно корректным. Александров все еще занимал высокий пост (он являлся членом Оргбюро ЦК). Идейного разгрома, на который рассчитывал Сталин (об этом свидетельствовали как гневные эмоциональные реакции сидевшего в зале секретаря Сталина Поскребышева, так и последующие события), не получилось. Тогда

учинить разгром было поручено А. А. Жданову, который провел вторую дискуссию, приведшую к «падению» Александрова. Обращу внимание на следующее обстоятельство. Обвинение в объективизме было связано с установкой на то, чтобы отъединить марксизм-ленинизм от мировой философской мысли, от его источников, ведь источники-то являлись западными. По всем известной характеристике — немецкая классическая философия, английская политэкономия, французский социализм. В этом, возможно, кроется одна из причин того, что первым объектом сталинской критики представлений о связи русской мысли с западной стал учебник по истории зарубежной философии. Конечно, трудно было бы искать здесь логику. Революционный переворот в философии, связанный с марксистской философией, о котором один за другим говорили участники дискуссии, произошел на Западе, а не в России. Но в этом перевороте усматривалось событие, безразличное к развитию западной культуры, которая находилась под подозрением как вражеская, классово чуждая. Уже тогда утвердилась догма о несовместимости классового подхода с общечеловеческим. Отметим, что за эту догму и поныне держатся приверженцы сталинских методов в идеологии, противники перестройки. Решение вопроса о том, какие идеи и оценки соответствуют классовому подходу, а какие нет, принадлежало Сталину и его аппарату, присвоившим себе право говорить «от имени и по поручению» рабочего класса, всего народа.

В философской дискуссии, как и в нескольких других, проявилась одна из особенностей сталинского стиля их организации. Всем ее участникам было известно, что он — инициатор и режиссер. Но он не «опускался» до того, чтобы самому появляться на сцене. Началось с философии, поскольку она касается наиболее общих законов бытия и познания, стало быть — всех наук. Затем пошли конкретные науки. В 1948 г.— печально знаменитая сессия ВАСХНИЛ, на которой был «разоблачен» вейсманизм-морганизм. Прямое участие Сталина в этом зловещем для нашей биологии событии достаточно известно. Замечу опять-таки, что генетику громили еще и потому, что она «ненашенская», занесенная в Россию с чуждой почвы, хотя, как известно, русским ученым принадлежит выдающийся вклад в ее развитие.

В следующем 1949 году была объявлена война «космополитизму» в науке, прокатившаяся по ряду дисциплин. Нападкам подвергались теория относительности Эйнштейна, теория резонанса в химии, ряд биологических и психологических теорий. Под особое подозрение попали труды советских авторов с нерусскими фамилиями...

В 1950 г. прошли одна за другой две дискуссии — по вопросам языкознания и по вопросам физиологии. В первой Сталин сам принял участие. Все дискуссии строились по общей схеме, выражавшей известный в гносеологии и психологии стиль «черно-белого мышления». Одна сторона оценивалась как «черная», другая — как «белая». Тех, кого относили к первой, следовало чернить, поносить и разоблачать. Те, кто принял другую сторону (или же кому поручали ее представлять), выступая в роли разоблачителя, в своей критике «противника» были априорно правы. Тем самым стороны изначально находились в неравном положении. Кого куда «зачислить», определял Сталин или по его указанию — его идеологические опричники. Отношение между ними напоминало судилище, в котором одни играли роль обвиняемых, другие — обвинителей. В этой ситуации положение оказавшихся на «черной стороне» становилось трагическим. Им приходилось либо каяться и каяться, даже если это не соответствовало ни истине, ни их убеждениям, либо, сохраняя свои убеждения, становиться жертвой дискриминации, административных репрессий, лишавших возможности вести в дальнейшем научную работу. Ведь несогласие с очернительской критикой означало конфликт не с мнением тех, кто ее высказывал, а с заранее составленным сценарием, освященным волей и авторитетом Сталина, или своего рода «протоколом» следствия, которым предопределялся обвинительный приговор. «Обвиняемым» же ничего не оставалось как расписаться в своем согласии с ним.

Все это разыгрывалось в научном сообществе и широко освещалось в печати, притом не только научной. Невольно напрашивалась аналогия с «техникой» организации процессов, на которых подозреваемым в политической нелояльности инкриминировались такие преступления, как шпионаж, террористические акты против Сталина и т. п. Но на сей раз эта «техника» переносилась из подвалов НКВД и закрытых заседаний военной коллегии Верховного суда в сферу отношений между учеными.

О сходстве с тем, что в 30-х годах проходило на политических процессах, говорило и следующее обстоятельство. Из ученых, признанных противниками единственно правильного понимания того или иного направления, сколачивались «группировки», хотя между этими учеными никакой близости — ни идейной, ни личной — и не могло быть. Возникали своего рода «обоймы», включавшие тех, кто подлежал разоблачению. Нечто подобное, как известно, наблюдалось и в случае «комплектования» различных «блоков» — троцкистско-зиновьевского, правотроцкистского и т. п.

Так, на сессии двух академий, посвященной учению Павлова, главный «обвиняемый» — акад. Л. А. Орбели — в первом выступлении сказал: «Критика направлена в адрес определенных лиц... Дело в том, что если намечены определенные лица, которые должны подвергнуться более или менее строгой критике, то в случае свободной научной дискуссии чрезвычайно важно было бы ознакомить этих лиц с тем, в чем их собираются обвинять и критиковать. Даже когда речь идет о преступниках, то им дают прочесть обвинительный акт для того, чтобы они могли защититься или высказать что-либо в свою защиту. В данном случае этого не было сделано, и мы — несколько подсудимых — оказались в трудном положении»[1]. На несуразность создания группы «антипавловцев» обратил внимание один из, быть может, самых честных участников сессии — *Н. А. Рожанский. «Я,— сказал он,— был повергнут в большое недоумение* объединением лиц и качеств трех таких разных физиологов, как академик Орбели, академик Бериташвили и действительный член Академии медицинских наук Анохин. Простите меня за некоторую вольность выражений, но если взять три предмета: яблоко, колесо и Чичикова — все они имеют некоторое общее качество округлости. Но если вы попробуете их на практике соединить, то ни геометрически, ни химически, ни биологически, ни социально—никак между собой они не совмещаются»[2]. Равным образом, подчеркивал Рожанский, совершенно недопустимо объединять указанных физиологов в некую группировку, занимающую одну и ту же позицию.

По отношению к павловскому учению Рожанский был прав, поскольку он руководствовался сугубо научными критериями. Но для организаторов сессии важны были не эти критерии, а поиск «враждебных элементов». К аргументации Рожанского никто из выступавших не присоединился. Орбели продолжал подвергаться нападкам. Вторично выступив, он признал свои ошибки, извинившись за то, что «допустил непозволительное сравнение с „обвиняемыми" и „преступниками"»[3], хотя, если смотреть на дело по существу, сравнение, несомненно, было правомерным.

Неизменно находились доброхоты, которые в интересах самоутверждения, а порой и в надежде захватить власть в науке (посты и связанные с ними привилегии) сразу же порочили попытки отдельных мужественных ученых сопротивляться тому, что было предписано этим «сценарием». В философской дискуссии на «черной» стороне пребывал Г. Александров, на противоположной — Сталин и его верный порученец А. А. Жданов. На сессии ВАСХНИЛ «черную» сторону представляли классические генетики («вейсманисты-морганисты»), противоположную — Лысенко (за которым стоял Сталин). В дискуссии по языкознанию давно умершему академику Н. Я. Марру опять-таки противостоял Сталин, тривиальные соображения которого о языке и его отношении к мышлению немедленно были объявлены гениальным сталинским учением о языке, ставшим предметом диссертаций и даже специальных курсов на филологических факультетах. *На пропаганде этого «учения» некоторые ученые, притом даже выдаю*щиеся ученые, но бывшие в прошлом в опале (в частности, В. В. Виноградов), сделали головокружительную карьеру. Есть веские основания предполагать, что еще до дискуссии по языкознанию[4] Сталин задумал организовать дискуссию об учении И. П. Павлова. Имеется на этот счет прямое свидетельство, принадлежащее тогдашнему министру здравоохранения СССР Е. И. Смирнову, вспоминавшему, что летом 1949 г. (обратим внимание на дату) Сталин вызвал его к себе на дачу в Сочи, где

[1] Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. Стеногр. отчет. М., 1950. С. 165.

[2] Там же. С. 334.

[3] Там же. С. 501.

[4] Отметим, что первоначально обсуждение проблем языкознания действительно носило характер дискуссии. В «Правде» печатались статьи, где высказывались различные мнения по этим проблемам (о том, что собирается выступить сам Сталин, не было известно).

завел речь о том, чтобы организовать в Академии наук и в Академии медицинских наук обсуждение проблем физиологии, а именно — павловского учения, после чего Сталин передал соответствующие поручения Г. М. Маленкову и А. А. Жданову [5].

Неизвестно, принимал ли лично Сталин участие в составлении конкретной «формулы» сессии, организованной по его инициативе. В основу ее лег уже знакомый нам стереотип: одна из теорий принималась за непререкаемо истинную, всем остальным инкриминировалась «ненаучность». С этим соединялась версия о том, что отступление от теории, возведенной в ранг непогрешимой, означает отход от диалектического материализма, своего рода идеологическую диверсию, что льет воду на мельницу наших политических противников, а в условиях разогревшейся в те годы холодной войны — «приспешников» англо-американских империалистов (именно в таком духе высказался ряд выступавших). На сессии ВАСХНИЛ статус непогрешимости был придан «мичуринской биологии», в дискуссии по языкознанию — «сталинскому учению о языке», на сессии двух академий — учению Павлова о высшей нервной деятельности. В биологии им противостояли разгромленные лысенковцами классические генетики, в языкознании — сторонники учения Н. Я. Марра, которых, кстати, было немного и которые после выступления Сталина немедленно перестроились без особого ущерба для науки и для себя, поскольку реальная исследовательская работа в языкознании велась без опоры на методы и концепции Марра (тогда как генетика понесла огромные потери).

Положение в физиологии и смежных с ней дисциплинах было иным. И. П. Павлов в отличие от Лысенко был всемирно признанным ученым. В 1935 г. на 15-м Международном физиологическом конгрессе по инициативе западных физиологов ему был присвоен единственный в истории этой науки почетный титул «старейшины физиологов мира». Его непреходящие заслуги в развитии отечественной науки, да и не только науки — культуры в целом, никем не оспаривались. В 1949 г., т. е. именно в том году, когда Сталин принял решение «защитить» павловское учение, широко отмечалось столетие со дня рождения Ивана Петровича. Естественно, среди физиологов, в том числе — учеников Павлова, имелись исследователи, искавшие новые пути в познании механизмов высшей нервной деятельности. Да и как могло быть иначе, когда сам Павлов преподал всем своим творчеством уроки поиска новых подходов и решений, критики своих прежних гипотез. Наряду с этим, вполне естественно, в нейрофизиологии разрабатывались представления, отличные от павловских. Ведь не может одна теоретическая конструкция, какую бы строгую экспериментальную проверку она ни выдержала, исчерпать знание о каком-либо объекте, в данном случае о таком сложнейшем объекте, как головной мозг, поставить последнюю точку в развитии этого знания. Теоретический плюрализм — непререкаемое условие научного прогресса, так же как и диалог различных теорий, их взаимодействие. Но такое естественное для движения научной мысли положение не устраивало Сталина, было несовместимо с поддерживаемой его аппаратом установкой на непререкаемый монополизм, который распространялся на любые проявления не только политической, но и общекультурной жизни страны, включая науку. С присущим ему лицемерием Сталин произносил верные слова по поводу того, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. На глазах и на слуху у всех было то, что произошло в 1948 г., когда сессия ВАСХНИЛ показала истинный смысл этой формулы в биологической науке. Известно было, чем завершились для многих ученых борьба с «мнением» Лысенко и «свобода критики» его взглядов. Лысенко смог утвердить свою монополию только вненаучными средствами, благодаря поддержке, дарованной Сталиным. Но учение Павлова ни в какой поддержке и защите не нуждалось. Со времен Ленина для его развития были созданы все условия. Никто не препятствовал физио-

---

[5] Е. И. Смирнов в течение нескольких месяцев пролежал в больнице и в организации дискуссии не участвовал. Прочитав, лежа в больнице, в «Правде» доклад акад. Быкова, в котором подвергался критике Л. А. Орбели, Е. И. Смирнов был этим возмущен. Встретившись после выхода из больницы со Сталиным, он сказал ему о том, что Орбели — крупный ученый, любимец Павлова, и, хотя он занимался не условными рефлексами, а функцией симпатической нервной системы, он тем не менее поддерживал исследования условных рефлексов в интересах сохранения павловского наследия. Обвинения же в его адрес, которые высказывались на сессии,— необоснованны. Сталин промолчал.

логам и психологам черпать в наследии Павлова то, что соответствовало логике разработки их проблем. Государственная и партийная поддержка науки не означает передачу партийно-государственному аппарату функций научной экспертизы. Однако Сталину, который утвердил себя в «должности» великого ученого всех времен и народов, думалось иначе. Правда, в отличие от языкознания, в котором он «понимал толк», в физиологии со своими конкретными соображениями он выступать не стал. Здесь он ограничился установками, выражавшими присущий ему стереотипный стиль мышления. Прежде всего утверждалось, что существует только одно правильное учение, а именно — павловское, что оно, будучи создано русским ученым, противостоит всей западной науке, которая находится под влиянием враждебной нам идеологии, что у этого учения имеются противники, которых следует разоблачить, добившись от них «показаний», содержащих признание ложности своих позиций.

От имени Павлова было поручено выступить двум не самым лучшим его ученикам — К. М. Быкову и А. Г. Иванову-Смоленскому. Одним из авторов заглавного доклада Быкова был ленинградский ученый Э. Ш. Айрапетьянц. Получив в свое время «выволочку» за поддержку противников Лысенко, он усердно искупал свою «вину» и даже перестарался, назвав Павлова диалектическим материалистом. Я видел экземпляр быковского доклада с пометками Сталина. На полях рукой Сталина было написано: «просто материалист». Стало быть, не принимая непосредственно участия в сессии двух академий, Сталин проконтролировал документы, задавшие тон последующим выступлениям. Об этом, несомненно, было известно участникам сессии, состоявшейся 28 июня — 4 июля 1950 г. (заседания проходили в московском Доме ученых).

Эту сессию иногда называют «павловской сессией», хотя сам великий русский натуралист И. П. Павлов имел к тому, что происходило, такое же отношение, как Маркс к колымским лагерям. Мрачный отсвет других «дискуссий» и идеологических проработок лежал и на «павловской сессии». Прежде всего в перспективе борьбы с пресловутым «космополитизмом» открытия и идеи Павлова были начисто отъединены от всей предшествующей истории физиологии и от мировой науки в целом.

Свой доклад Быков начал со следующего тезиса: «Нужно признать неправильной ту точку зрения, что Павлов якобы дал только дополнение к физиологии [6] или что он создал еще одну главу этой науки. Правильнее будет, если мы всю физиологию разделим на два этапа — этап допавловский и этап павловский. Так же можно разделить и историю психологии. Психология допавловская построена на идеалистическом мировоззрении, психология павловская — по существу своему материалистическая. Это разделение по этапам касается и таких наук, как морфология, особенно морфология нервной системы» [7]. Выступая в этом духе, некоторые участники сессии считали совершенно недопустимым рассматривать павловские идеи в контексте развития мировой науки. Предполагалось, что такой подход принижает новаторский характер этих идей, ведет к недооценке русской науки, что само по себе антипатриотично, стало быть, и идеологически вредно. Критикуя один из учебников физиологии, проф. Ф. П. Майоров утверждал: «...идейное влияние Людвига и Гейденгайна на Павлова было совершенно ничтожно по сравнению с мощным воздействием философского материализма Чернышевского, Герцена, Добролюбова и Писарева» [8]. Павлов работал у Людвига и Гейденгайна — физиологов последовательно естественно-научной ориентации. Он прошел их школу, испытал их влияние, как и влияние Клода Бернара и других выдающихся западных физиологов. Только опираясь на их достижения, он смог открыть новую главу в развитии физиологической науки. Согласно же версии Быкова, Майорова и других, до того, как в физиологию пришел Павлов, в ней (как и в психологии) царили одни только идеалистические заблуждения. Выступавшие на сессии стремились доказать, что в связях с Западом Павлов не был замешан, что если у его теории имелись корни, то их следует искать в России — в философии революционных демократов. Подобное представление о теории высшей нервной деятельности, приобретшее в тот период характер идеологического клише, навязывало ложную оценку закономерностей

[6] Мне не довелось читать работ, в которых бы утверждалось, что Павлов «дал только дополнение к физиологии».

[7] Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика *И. П. Павлова*. С. 14.

[8] Там же. С. 349.

развития мировой науки, игнорирование значимости не только различий, обусловленных спецификой социокультурных условий творчества ученых, но и общего в ее исторических судьбах. Вместе с тем навязывались неадекватные взгляды на характер отношений между конкретной наукой и философией. Их смешение (в силу тесной связи между философией и мировоззрением) позволяло выдвигать уже политические обвинения против любых критиков павловской физиологической концепции или просто сторонников других концепций, поскольку только на первой был поставлен знак «правоверности», соответствия диалектико-материалистическому мировоззрению, а тем самым и линии Коммунистической партии. Признание интернационального характера науки расценивалось в те годы как проявление космополитизма. Поэтому в материалах сессии разбросано множество негативных оценок западных физиологических учений, которым без разбора приписывались проповедь идеализма и принижение или извращение павловского учения.

Мне довелось бывать в зарубежных лабораториях, и не было такой, где бы не висел портрет Павлова, где бы с огромным пиететом не произносилось это имя. Но оказать столь глубокое воздействие на мировую науку русский ученый смог лишь потому, что опирался на нее, отражал запросы логики ее развития. Наука, говорил Пастер, не имеет родины, но ученые ее имеют. Павлов был великим патриотом, патриотизм же усматривал не в обособлении своих открытий от научных достижений других народов, но в их обогащении, а это невозможно без кровной связи с ними. Труды Павлова и поныне воздействуют на разработку коренных проблем физиологии и психологии. По данным цитат-индекса Ю. Гарфилда, даже сегодня цитируемость этих трудов находится на уровне цитируемости Нобелевских лауреатов наших дней.

Ложное понимание самобытности отечественной науки, отражавшее сталинские установки, вело к исторически недостоверному, а практически — крайне опасному ее отрыву от мировой. При этом многие положения Павлова, в том числе сыгравшие большую роль в прогрессе мировой науки, долгое время пребывали в забвении на родине. Достаточно вспомнить его идеи о сигнальной саморегуляции поведения и самообучаемости живой системы, на которые Н. Винер в своей «Кибернетике» ссылается как на преддверие этой науки и которые в те годы практически не развивались отечественными учеными.

Наряду с огульной характеристикой любых диалогов и связей русских ученых с западными как проявлений враждебной советским людям идеологии космополитизма, другой установкой, утвержденной Сталиным в качестве единственно совместимой с диалектическим материализмом, являлась безоговорочная приверженность «мичуринской биологии», «апостолом» которой выступил Лысенко. Поскольку физиология является одной из биологических наук, то велик был соблазн отнести достижения Павлова к разряду идей, санкционированных сессией ВАСХНИЛ. В качестве созвучных постановлениям этой сессии рассматривались павловские воззрения на зависимость процесса приобретения организмом новых форм поведения от внешних условий. И, наконец, после дискуссии по языкознанию особое внимание выступавшие на сессии двух академий уделяли проблеме второй сигнальной системы. Распространенным обвинением было подозрение в отступлении от учения о второй сигнальной системе или его извращении. Но такого «учения» у И. П. Павлова фактически не было. Действительно, в конце 20-х — начале 30-х годов на так называемых «павловских средах» и в последних статьях он высказывал положение о том, что наряду с сигналами, которые регулируют поведение, поступая непосредственно от предметов окружающей среды, есть еще и сигналы речевые, присущие лишь человеческому поведению и являющиеся, по его словам, «чрезвычайной прибавкой к деятельности человеческого мозга». Эта мысль о роли речевых сигналов зародилась у Павлова в связи с необходимостью определить различия в деятельности головного мозга животных и человека. Однако ни в конкретном экспериментальном материале, ни в практике физиологических исследований эта мысль у Павлова серьезного развития не получила. Тем не менее в связи со «сталинским учением о языке» павловское высказывание трактовалось как указание на адекватный этому учению физиологический механизм. Отдельные соображения о второй сигнальной системе принадлежали акад. Л. А. Орбели, ставшему главным объектом критических нападок на «павловской сессии». Правильная мысль Орбели о том, что слова и другие культурные знаки (нотные, буквенные и др.) не имеют

ничего общего с теми конкретными явлениями, которые они обозначают, была расценена акад. Г. Александровым как извращение ленинской теории отражения. Александров ссылался на критику Лениным теории знаков или иероглифов, выдвинутую, как известно, Гельмгольцем и поддержанную Г. В. Плехановым. Отмечая, что изображение никогда не может сравняться с моделью, Ленин разграничивал изображение и условный знак. Считать ощущение условным знаком, символом, иероглифом — значит, согласно Ленину, вносить ненужный элемент агностицизма. Но Ленин имел в виду применение понятия об условном знаке к ощущению, чувственному познанию. Орбели же говорил об отсутствии сходства между «звуковой материей» слова и его значением, смысловым содержанием. И действительно, между умственным образом (понятием), запечатленным в слове, и выражающими его звуками не может быть другого отношения, кроме знакового. Г. Александров же увидел в правильном взгляде академика Орбели не только философский просчет, но прямую идеологическую диверсию. Процитируем, что им было сказано на сессии: «Когда к теории „знаков" обращаются, превращая их в самостоятельный мир, такие махровые идеалисты, как Шеррингтон или Лешли,— это понятно. Физиология используется правящими классами за рубежом для насаждения в трудящихся массах неверия в их силы, для отрицания закономерного развития природы, а тем самым для подрыва дела борьбы за свержение капитализма. Но совершенно непонятно и недопустимо, когда наши советские ученые становятся на позиции кантианской теории знаков [9]».

С помощью подобных фальсификаторских приемов академику Орбели приписывались попытки истолковать Павлова как агностика, из чего в свою очередь делались намеки на то, что Орбели стоит в одном ряду с теми, кто «подрывает дело борьбы за свержение капитализма». Так под прикрытием призывов к «свободе критики и борьбе мнений» компрометировались ученые, избранные в качестве объекта «научной» критики.

Все это позволило организаторам сессии повести борьбу за «павловскую физиологию». Заговорили и о «павловской психологии», «павловской биохимии», «павловской медицине». Открылись широкие возможности для навешивания ярлыков: «антипавловец» звучало почти так же, как «антимичуринец», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Результаты оказались очень тяжелыми. Принятая на сессии двух академий трактовка физиологии создала преграду на пути развития ряда ее крупнейших направлений в нашей стране. Попытки свести все богатство психической деятельности к норме и патологии, к примитивно понятому учению об условных рефлексах крайне негативно сказались на таких науках, как психология и психиатрия. Вред был нанесен не только теории, но и практике медицины и воспитания, поскольку в правилах образования условных рефлексов искали универсальный ключ ко всем болезням и ко всем методам педагогического воздействия. Сессия оказала растлевающее нравственное влияние на целое поколение физиологов, которые годами воспитывались в духе догматического отношения к научным идеям. Были, наконец, и прямые весьма тяжелые организационные последствия, затронувшие многих ученых разного ранга. Я назову здесь лишь наиболее известных. Это лишенные всех должностей академики Л. А. Орбели и И. С. Бериташвили, академик АМН СССР (в то время) П. К. Анохин, член-корреспондент АМН СССР, незадолго до сессии получивший Государственную премию, Н. А. Бернштейн. За каждым из них стояла научная школа, были ученики, десятки сотрудников...

Попытки исправить положение, вернуть физиологическую науку в нормальные условия начались практически сразу же после XX съезда партии. Но даже наиболее серьезная из них (я имею в виду Всесоюзное совещание 1962 г. по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии) не дала истинной оценки сессии 1950 г. Да, были сняты ярлыки с ряда ведущих ученых, директором института стал П. К. Анохин, несколько ранее — Л. А. Орбели, вновь начали публиковаться И. С. Бериташвили и Н. А. Бернштейн. Было сказано, что «во время сессии был допущен ряд теоретических ошибок и элементов философской вульгаризации. Сессия, проводившаяся в духе культа личности Сталина, во многом исказила идею научной критики, подменив товарищеский, свободный обмен мнениями наклеиванием

---

[9] Там же. С. 288.

порочащих ярлыков и огульным осуждением инакомыслящих». Тем не менее доклады участников совещания пестрили выражениями типа «сыграла большую роль», «раскрыла», «показала перспективы», «выявила ряд ошибок» и т. п. Иными словами, совещание 1962 г. оказалось половинчатым, его участники сказали лишь полуправду — де, невзирая на некоторые ошибки, сессия двух академий все же сыграла положительную роль. В действительности же эта инициированная Сталиным сессия вслед за сессией ВАСХНИЛ печально сказалась на прогрессе биологической, да и не только биологической науки в нашей стране.

У Сталина уже в довоенный период был опыт вмешательства в науку и навязывания ученым своего видения ее проблем. Известны печальные последствия влияния сталинизма на историческую науку, где учинялись погромы не только до XX съезда КПСС, но и в более поздние годы, когда тон задавали М. А. Суслов и С. П. Трапезников, использовавшие высшие партийные посты, чтобы насаждать сталинскую версию истории советского народа, его идеологии и культуры.

В довоенный период Сталиным была предпринята еще одна акция, пагубно сказавшаяся на науке и практике. Я имею в виду решение о так называемых «педологических извращениях» в системе Наркомпросов (1936 г.). В 20-х — первой половине 30-х годов в советской школе существовала разветвленная сеть особой службы по комплексному изучению детей и подростков, специальной диагностике их умственного и социального развития, отбору детей с дефектами психического развития с целью направления их в специальные школы с благоприятным для их воспитания и обучения режимом. Большое внимание уделялось также выявлению способных и талантливых детей. Эта служба называлась педологией (педология — наука о ребенке) и пользовалась широкой поддержкой А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, А. С. Бубнова и выдающихся советских психологов и педагогов. В одно июльское утро педология была объявлена лженаукой, так как, с точки зрения Сталина, в управляемом им самом передовом обществе не могло быть умственно отсталых детей-невротиков. До сих пор наша школа и наше общество пожинают плоды этого произвольного решения.

Довоенный опыт распространения единовластия на науку и практику Сталин широко использовал в послевоенный период с тем, однако, отличием, что теперь его решения принимались от имени самих ученых, как результат «борьбы мнений и свободы критики», якобы развернувшейся в их сообществе. Созданную тем самым безнравственную атмосферу в научном сообществе призвана до конца развеять перестройка.

Л. Л. Шик (доктор медицинских наук, Институт хирургии им. А. В. Вишневского АМН СССР). Сессия 1950 г. в нашем восприятии, в восприятии людей того времени, была продолжением августовской сессии ВАСХНИЛ. Они были похожи по типу диктата, по невозможности спорить, по организационным последствиям. Все было в стиле того времени.

Но была и некоторая разница. Сессию 1950 г. формально связывали с именем Павлова, что поначалу могло ввести в заблуждение.

Вспоминаю свои впечатления. Прежде всего — сильное разочарование в профессиональном уровне выступавших «обвинителей». А ведь выступали профессора, академики! Но говорили они вещи, физиологически бессодержательные, очевидно неточные, поддельные. У квалифицированного физиолога, не ослепленного ситуацией, могло возникнуть лишь впечатление явной предвзятости и демагогии, нацеленных на разгром противников с определенными организационными выводами. Такой, в частности, была речь акад. Г. Ф. Александрова, тогдашнего главы философской науки. Я был поражен ее низким уровнем — бесконечными упреками, отсутствием конкретного содержания. Не понимал, как Александров будет себя чувствовать, если речь его опубликуют. Ее опубликовали в центральной газете. Свое недоумение помню, как сегодня, хотя прошло почти 40 лет.

Все это дает возможность понять, почему сессия не привела к последствиям, на которые рассчитывали ее организаторы. Насколько я могу судить, подъема учения о высшей нервной деятельности после этой сессии не произошло, несмотря на все ухищрения.

Здесь говорили, что всех имен организаторов называть не нужно, достаточно прочитать стенографический отчет. Это верно, но прочитать его надо внимательно. Тогда перед нами будет вовсе не однозначная картина. У одних превалировали личные отношения, у других — безответственная попытка выдвинуться и угодить, третьи, несмотря на обстановку, старались избежать острых моментов и по возможности и в меру своего разумения найти зерна рационального. Нельзя не вспомнить и о вполне достойных выступлениях, например о героическом выступлении Н. А. Рожанского, который фактически высмеял порочный стиль необоснованной критики. За это он поплатился заведыванием кафедрой, для чего в Ростов, где он работал, был специально делегирован М. А. Усиевич.

После сессии судьба ученых сложилась по-разному. Вот, к примеру, Иван Петрович Разенков. Он был не только учеником Павлова, но и крупным организатором науки (в период сессии — вице-президент АМН СССР). На наших глазах живой, энергичный, дельный человек превращался в развалину. Я помню, как после сессии, на первом же заседании в Институте физиологии, директором которого был назначен Усиевич, Разенков буквально пролепетал: «Скажите, Михаил Алексеевич, а мне вы разрешите еще работать?». Он полностью выбыл из строя.

Примеры стойкости показали в то время многие физиологи. Александр Григорьевич Гинецинский был изгнан из Ленинграда и послан на кафедру в Новосибирск. Он мне сказал: «Теперь буду заниматься почкой и только почкой. Быть в положении нищего, у которого нет электрофизиологической аппаратуры, нет хороших сравнительных объектов, то есть всего, чем я занимался всю жизнь,— не хочу. А почка — я подумал: там можно сделать очень много интересного, владея хирургическими и вивисекционными методами и располагая минимумом аппаратуры и реактивов». Этот план оказался весьма плодотворным: Гинецинскому удалось создать оригинальное направление в физиологии почечной деятельности и воспитать учеников, ставших крупными учеными.

Помимо прямого вреда, который нанесла сессия, надолго задерживая развитие важнейших разделов физиологической науки, объявленных «не павловскими», были и другие важные последствия, которые до сих пор полностью не изжиты. В прежние годы больше всего ценили честность в науке, корректность в отношениях между учеными. Слово старшего было не законом, а советом и поводом для раздумий. В глубочайшем уважении к науке воспитывали молодежь. Сессия многое изменила, так как явилась примером пренебрежения этими принципами. После нее в физиологические учреждения пришли люди, не знающие физиологии и стремящиеся не столько ее познать, сколько занять «достойное» положение на служебной лестнице. Правилом стало игнорирование иностранной литературы. Целое поколение физиологов (конечно, есть и исключения) оказалось не на высоте.

Декларированная сессией необходимость повсеместного внедрения павловского учения в клинику обычно приводила к его профанации. Доходило до анекдотов. Известный фтизиатр проф. А. Е. Рубахин обратился после сессии ко мне с просьбой устроить ему свидание с Усиевичем. В хорошей диссертации по изучению некоторых особенностей дыхания при туберкулезе легких, выполненной учеником Рубахина, не было ничего сказано о Павлове. По тем временам надо было заручиться возможностью ее защиты, чтобы она не обернулась скандальным провалом. Усиевич посоветовал: «Проведите еще одну серию исследований на больных с применением малых доз брома (по Павлову), после этого диссертацию можно защищать». Не приходится объяснять, что бром не имел никакого отношения к делу.

Мне хотелось бы добрым словом вспомнить то, как реагировала на эту сессию значительная часть физиологов. Уже на самой сессии поведение аудитории было неоднозначно: многие, конечно, аплодировали, но нередко наступало и демонстративное молчание аудитории, явственно слышался ропот. В проекте резолюции была такая фраза: «Л. А. Орбели и его ученики нанесли вред развитию павловского учения». Встал А. В. Лебединский и сказал ровным голосом: «Я просил бы президиум смягчить эту формулировку». Больше он ничего не сказал, не стал приводить аргументы. С. И. Вавилов задумался, а значительная часть зала зааплодировала. Тогда Вавилов сказал: «Я вам обещаю, что мы постараемся это сделать». (Слово «вред» было за-

менено словом «ущерб».) Резолюция не была поставлена на голосование, потому что было ясно: даже в обстановке нажима она не будет принята единогласно.

Хорошо проявила себя физиологическая общественность на Всесоюзном съезде физиологов в Киеве (1955 г.). В то время решения сессии 1950 г. еще не были отменены или дезавуированы. И вот на этом съезде каждое появление Л. А. Орбели в любой из аудиторий и каждое его выступление сопровождались дружными аплодисментами. На съезде предполагалось, что К. М. Быков (всегда бывший неизменным членом правления Всесоюзного общества физиологов) будет избран его председателем. Но при оглашении результатов тайного голосования оказалось, что его забаллотировали. А ведь для этого нужно было, чтобы больше половины делегатов вычеркнули его имя из избирательного бюллетеня. Такой урок показал, что физиологи неплохо понимают обстановку, что они живые люди с чувством гражданской ответственности.

На последующем съезде в Минске при составлении резолюции было предпринято немало усилий, чтобы дезавуировать решение сессии, к чему много усердия и труда приложили В. В. Парин и В. Н. Черниговский.

После сессии, когда из Московского физиологического общества выбыли И. П. Разенков и Л. С. Штерн, общество буквально захирело: никто не хотел докладывать — опасались «критики» в стиле сессии. С избранием на пост председателя Черниговского оно возродилось. Черниговский, а после его отъезда в Ленинград Парин организовали большое количество заседаний и конференций по самым актуальным вопросам физиологии. Был полностью восстановлен деловой и доброжелательный стиль работы. Вообще, надо отметить, выступление в печати и вся организационная деятельность Парина внесли большой вклад в ликвидацию последствий сессии.

Сессия серьезно задержала развитие физиологической науки в СССР. Она показала, что никакой прогресс науки невозможен в условиях нарушения моральных норм, в условиях диктата и вседозволенности.

Б. С. Кулаев (доктор медицинских наук, Институт биологической физики, г. Пущино). В ряде выступлений прозвучали высказывания насчет того, что Павловская сессия была отражением тех общих процессов, которые в те годы происходили в нашем обществе.

Это целиком и полностью правильно. Тогда во главе государства стоял человек (и поддакивавшая ему группа людей), который сводил все, что можно, к нижайшему уровню. Что я имею в виду? Прежде всего, стандартизацию мышления, которая в те годы прочно входила в наш быт и подавляла практически всякие попытки что бы то ни было воспринимать разумом. Помимо стандартизации мышления на очень низком уровне шла выработка некоторых догм. Мы тогда очень много занимались философией. Мы все непрерывно философски образовывались. Но образование практически сводилось к повторению, зазубриванию некоторых параграфов 4-й главы Краткого курса КПСС, которые меньше всего были связаны с философией вообще и с марксизмом в частности. То же самое происходило в биологии. Сессия ВАСХНИЛ будто бы занималась развитием идей Дарвина и Ламарка, хотя ни к тому, ни к другому отношения не имела. Объединенная сессия была созвана для защиты Павлова от некоторых его последователей. Павлов должен был в гробу перевернуться от такой защиты.

На самом деле «идеологам» каждого из этих дел было безразлично, что мы будем исповедовать. Я в двух словах коснусь сессии ВАСХНИЛ. До какого-то момента в стране существовали первоклассные ламаркисты, такие как Б. С. Кузин, Вермель, Смирнов, но их ликвидировали в прямом или переносном смысле. Они были слишком выдающимися фигурами в начале 30-х годов. Двое из них — Вермель и Кузин были арестованы. Таков был метод обращения с научными противниками. Затем, позже, когда к власти в науке пришли Лысенко и его соратники, сторонники, они точно так же арестовали противников Ламарка (дарвинистов Н. И. Вавилова, С. Д. Карпеченко) и изгоняли из науки целые слои первоклассных ученых. Я думаю, что главное было — убирать сколько-нибудь заметных людей. Как только личность становилась заметной, а польза, приносимая ею и ее сторонниками несомненной, как только она приобретала какое-то звучание и значение и начинала пользоваться популярностью, тотчас же ее уничтожали. С этой точки зрения мне кажется вполне по-

нятно, почему следующим за сессией ВАСХНИЛ пунктом, по которому был нанесен удар, является физиология. Имя Леона Абгаровича Орбели уже упоминалось на сессии ВАСХНИЛ в плане его неправильных установок, уже там раздались проклятия в его адрес. Он отказался явиться на заседание. И я думаю, что в этом все дело. Ведь он был академик, генерал-полковник, Герой Социалистического Труда, одна из очень заметных фигур и вместе с тем академик-секретарь Отделения биологии. Против него и было направлено острие так называемой Павловской сессии, или объединенной сессии, как мы условились ее называть. Но что ей предшествовало? В частности то, о чем никто сегодня не вспоминает. Между той и другой сессиями было две статьи в «Правде». Одна из них была написана Петром Кузьмичем Анохиным, другая — Алексеем Дмитриевичем Сперанским. Это были те люди, что подняли волну, которая была направлена на созыв Павловской сессии. Они утверждали, что Орбели недостаточно блюдет чистоту павловского учения. Другое дело, что потом и Анохин, и Сперанский оказались в числе побежденных, потому что принципиальной основы, естественно, у Павловской сессии не было и не могло быть: одни сторонники Павлова дрались против других сторонников Павлова. Это было совершенно беспринципное действо с самого начала до самого конца. И оно имело целевую установку: отмести некоторое количество слишком поднявшихся над средним уровнем личностей, снова достичь того посредственного уровня, который единственно является управляемым, в котором хозяин, так сказать, понимал толк.

То же самое касалось и всех остальных областей физиологии. В отношении некоторых конкретных реальных деятелей. Очевидно, что практически все сколько-нибудь яркие фигуры были сведены на-нет. Получили, так сказать, права гражданства посредственности, воинствующие посредственности. Ну, скажем, Быков, который стал наиболее видной фигурой среди всех них. Человек получил хорошее образование: окончил медицинский факультет Казанского университета. Стал врачом, военным врачом, одно время оказался в рядах армии Колчака (так же как А. Д. Сперанский). Может быть, это обстоятельство, необходимость скрывать его от начальства, страх, что Э. Ш. Айрапетьянц, знавший об этом факте, использует его против него, привели к утрате ощущения, что можно делать и чего нельзя. В научном отношении ему повезло: работа с И. П. Павловым (отчасти совместно со Сперанским). Позже — самостоятельный отдел в ВИЭМе, в котором он сумел собрать значительное число отличных физиологов (А. Д. Слоним, Г. П. Конради, В. Н. Черниговский и др.), с разных сторон разрабатывавших мало затронутую проблему — кортиковисцериальную физиологию и патологию. Успех их совместной деятельности, монография («Кора головного мозга и внутренние органы»), у которой почему-то оказался один автор — К. М. Быков. Неожиданное для всех избрание его в академики на место, специально выделенное для Х. С. Коштоянца, по узкой специальности — сравнительная и эволюционная физиология («...в академии слишком много южных людей — Орбели, Бериташвили, Штерн...»). Как заведующий кафедрой физиологии, Быков получает звание генерал-майора, потом генерал-лейтенанта медицинских войск. Затем — депутат Верховного Совета, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. И именно Быков осуществлял «игру на понижение» в физиологии, хотя сильно отличался от Лысенко по образованию, судьбе, школе, связанным с его именем оригинальным направлением исследований. Мне представляется, что его ответственность перед нашей наукой тем самым становится большей. Сам он к этому времени ничего из себя не представлял, кроме сильно раздутой, очень амбициозной фигуры, которая жестко отслеживала все возможные шаги, направленные против него. Прежде всего он отслеживал того же Леона Абгаровича, который больше всех, конечно, пострадал в результате Объединенной сессии. Я думаю, что прав был Лев Лазаревич, когда говорил, что сессия не удалась, потому что если на сессии ВАСХНИЛ была хотя бы видимость дискуссии путем противопоставления ламаркизма дарвинизму, когда некая догма, некая парадигма, связанная с именем Ламарка, победила некую парадигму, которая была связана с именем Дарвина, то здесь и этого не было. Здесь ничего не изменилось, только резко снизился уровень — и уровень исследований высшей нервной деятельности, и уровень исследований вегетативной функции, все было приглушено и пошло вниз. Во главе физиологических учреждений стали М. А. Усиевич, Л. Г. Воронин, Д. А. Бирюков — физиологи крайне низкой квалификации, люди, которые по на-

стоящему ничего с собой в науку не привнесли. Их функция была — элиминировать все, что было. Даже внешне-процессуально — было ясно, что исход совместной сессии двух академий предрешен: победители сидели в президиуме, побежденные — в зале. И было удивительно смотреть, как те, кого привыкли видеть в президиуме, тяжело поднимались на кафедру из рядов, тогда как другие легко подходили к ней и изобличали.

Представители павловской школы Быков, Иванов-Смоленский, и иже с ними — победители. Представители той же школы Орбели, Сперанский, Анохин — осужденные. Однако среди учеников Л. А. Орбели, развивавших общий, определенный им круг идей, четкое разделение. А. Г. Гинецинского можно было выкинуть из президиума; А. А. Волохова, обнаружившего готовность отречься от учителя, оставить. Потом, после сессии это разграничение пойдет еще дальше: руководителями будут утверждаться либо исходно посредственные люди, либо достаточно беспринципные в научном и человеческом отношении. Так же обстояло дело и в других физиологических школах. В школе Введенского-Ухтомского к этому времени не осталось крупных исследователей, ее можно было оставить на том же уровне прозябания. Идейно близкая к ней школа Д. Н. Насонова, глава которой был в расцвете творческих и даже административных возможностей, была разгромлена, осуждена. Близкий в научном отношении к Сперанскому В. С. Галкин «выиграл» на объединенной сессии, тогда как бывший среди ее инициаторов Сперанский проиграл.

Эти тенденции при полном отсутствии реальной содержательной дискуссии привели в итоге к значительному снижению среднего уровня проводимых в Советском Союзе исследований, к односторонней и малооправданной фиксации исследований высшей нервной деятельности (ВНД) на предложенных в начале века И. П. Павловым методиках регистрации деятельности слюнных желез собак и к крайнему усилению индивидуально-командного метода руководства физиологическими коллективами. Реально это сказалось в том, что исследования во многих областях физиологии оказались запущенными, поддерживались на крайне низком уровне, вовсе прекратились: в других (ВНД) количество работ увеличилось, при утрате интереса физиологов к этим архаически проводимым исследованиям при крайне догматической трактовке получаемых результатов. В результате авторитет советской физиологии настолько снизился, что даже те разделы ее, в которых были достигнуты по настоящему большие результаты и сделаны важные и серьезные обобщения, оказались неоцененными мировой наукой и лишь сейчас, много лет спустя, начинают пробивать себе дорогу.

Я хочу рассказать о своем учителе — Владимире Николаевиче Черниговском, которого очень любил и память которого чту. Он относился к школе Быкова и был в президиуме объединенной сессии. В. Н. Черниговский выступил после Орбели и после совершенно безобразного ответа на него Л. Н. Федорова, который изобиловал чисто политическими обвинениями в адрес Орбели. В отличие от последнего, Черниговский обсуждал чисто научные вопросы. В частности, он обиделся на вопрос Орбели, обращенный к Быкову: «Я позволю себе спросить Константина Михайловича — неужели вся его научная деятельность определяется и импульсами из мочевого пузыря, и из прямой кишки?», а по существу адресованный Черниговскому. Уместная на любом ином научном заседании, его полемика с Орбели и Сперанским на объединенной сессии в хоре травивших Орбели и других «побежденных» ученых выглядела неприлично. Он сам это отлично понимал. Я сидел на балконе, проникнув в зал заседаний незаконно. Я тогда только что кончил университет, и, увидев, что Владимир Николаевич, выступив, ушел из президиума, спустился вниз и застал его в буфете. К тому времени я знал его уже 4 года, и впервые видел его в таком состоянии. Владимир Николаевич взял стакан водки, выпил. С того момента это стало достаточно часто повторяться. Так лучшие из лагеря «победителей» платили за отступление от норм человеческой морали. Сейчас у нас положение не лучше. Та же серость лезет и занимает руководящие посты в физиологии. В. Н. Черниговский создал новую главу в науке — «Физиология и интероцепция». Лаборатория же Черниговского после его смерти разгромлена.

Ну, а научный итог сессии? Нулевой. По-прежнему в Институте физиологии им. И. П. Павлова ведущая тематика — адаптационно-трофическое действие симпатической нервной системы. То же в АМН: слившиеся было институты, которыми руково-

дили А. Д. Сперанский и П. К. Анохин, вновь разделились. Во главе одного стоит ученик Сперанского, во главе второго — Анохина. Серьезных выходов за пределы идей основателей школ (30—40-е годы!) нет. При нынешнем директоре Физиологического института В. А. Говырине вопросы интероцепции в Институте не изучаются. Из биологии вытесняются все отрасли, кроме молекулярной. Только молекулярная биология заслуживает внимания. Физиология сейчас практически никак не финансируется, все ее отделы сворачиваются. Это единственное направление, которое выиграло в итоге объединенной сессии, бурно рацветшее в 40—70-е годы, получившее всемирное признание,— полностью заглушено. Ни одной лаборатории не работает по этой тематике. Скоро будем заимствовать эти, выросшие у нас идеи, на Западе, где их начали усиленно развивать. С мнением Физиологического общества практически никто не считается. А оно в какой-то мере может выражать мнение физиологической общественности.

XVI — Кишиневский — съезд Физиологического общества был безликим. Это — следствие все того же. Я думаю, что нам для начала нужно как минимум поставить вопрос о том, что понятие «учение» того или иного физиолога — учение ли Павлова, учение Сеченова, учение Введенского, Ухтомского — следовало бы употреблять только в трудах по истории науки, иначе рождаются святые апостолы, не подлежащие обсуждению... Они внесли свой — весомый — вклад в науку, ценные и очень интересные идеи. Но почему мы должны до сих пор клясться именем Павлова, Ухтомского, Быкова, Анохина и проч. Ведь на сегодняшний день ни этих школ, ни учений нет. Конечно, мы должны помнить наших предшественников, тех, чьи идеи мы в какой-то мере развиваем. Мы должны ссылаться на них в своих статьях и монографиях. Но я убежден в том, что понятие школы существует и может иметь смысл, пока эта школа существует, пока она возглавляется определенным лицом, пока она разрабатывает идеи одного человека. Как только это иссякло — школы больше нет. Это из религии привнесенный термин, который никакого отношения к науке не имеет.

(*Продолжение следует*)

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

ДИСКУССИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ «МАТЕМАТИЧЕСКИМ НАЧАЛАМ НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ» И. НЬЮТОНА

Заседание, организованное Британским национальным комитетом по истории науки, медицины и техники, состоялось в Лондоне 30 июня 1987 г. Были представлены следующие доклады: А. Р. Холл «Учение Ньютона в наши дни», Д. Т. Уайтсайд «Эволюция „Начал" в 1684—1687 гг.»; Е. А. Феллманн «„Начала" и континентальные математики»; П. Касини «„Начала" и философы эпохи Просвещения»; Д. Хьюджес «„Начала" и кометы»; П. М. Харман «От Ньютона к Максвеллу. „Начала" и физика в Англии», Дж. М. Томпсон «„Начала" и современная механика».

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЙ КОНГРЕСС ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

II Латиноамериканский конгресс по истории науки и техники состоялся 30 июня— 4 июля 1988 г. в Сан-Пауло (Бразилия). Организаторы конгресса — Латиноамериканское общество истории науки и техники и Бразильское общество истории науки. Предполагается проведение пленарных заседаний, симпозиумов, стендовых обсуждений, выставок.

СОДЕРЖАНИЕ